

Медведев. — 1993. — октябрь (№9). — с. 8-9

Трудно поверить, но во многих театрах сейчас — аншлаг. Снова аншлаг, как в добрые старые времена! Даже на симфонические концерты ходят! Убеждена: и в кино зритель тоже пойдет. Мне кажется, люди начинают наконец задумываться: "Как же я живу?" Многие ищут ответ в спектаклях, в фильмах. В том числе, в старых. Это ностальгия по нормальной человеческой жизни. Пусть даже не очень хорошей, но — нормальной. Вернее, стабильной.

На моих выступлениях отрывки из старых фильмов показывают. Помните, чего только не говорили о "Кубанских казаках"! И лавровка действительности, и бездельность... А как смотрит сегодняшний зритель! Для людей старшего поколения — это фильм их юности, для молодежи вообще какая-то новая, знакомая атмосфера. Или кадры из фильма "Тетя Маруся" — героиня добрая, мягкая, чужих детей воспитывает, о себе не думает. Человек в зале не испытывает стресса, сравнивает невольную жизнь сегодняшнюю и ту, что на экране. Даже в самой примитивной картине прошлых лет есть что-то от человеческой жизни, без вавилонских и кровопролитий.

всю эту грязную войну национализма.

— Вы украинка, большую часть жизни провели в Москве...

— Для меня вообще нет вопроса национальности: русская я или украинка? Но в Полтаве могила моих родителей. Надо ездить, надо ухаживать за ней. А тут — обмен рублей на карбованцы, скоро будут таможенные сложности... Потом правительство Украины еще что-нибудь придумает. Когда я слышу, как сегодня там носятся "москалей", — вся холодею. В голове не укладывается! Козловский в Полтаве жил, там музыкальная школа его имени. И стипендии он назначал. Впрочем, не знаю, есть ли сейчас все это...

— Скажите, что вселяет в вас надежду? Или хотя бы не убивает надежды окончательно?

— Думаю, не ушло из нас все человеческое. Ничто не пропадет, все возродится. Человек, когда болеет и лежит долго, мечтает: "Господи, когда же я смогу сесть?" Сел: "Когда же встану?" Встал: "Когда же пойду?" Мы сейчас лезим. А так хочется (уже хочется!) сесть, встать, пойти, сделать... Скоро, надеюсь, и работать захочется. Ведь мы сейчас не работаем. Спросила я как-то таксиста о

лентливых детей! Ценить это надо, лелеять. Вот была я под Парижем, в муниципальном детском садике. Как у нас обычно малышей по группам распределяют? К воспитательнице, у которой есть свободные места. А то и просто списком, по алфавиту. Там — иначе. Выстраиваются няни, и дети... выстраиваются. Одики одной няне подбегают, другие — к другой. Так и формируются группы. Меню существует: "Ты что хочешь к обеду — яблоко печеное или апельсин?" А супчик какой? Ей всего-то четыре года, но она думает, решает: "Пожалуй, съем яблоко!" И к столу не идет строем, одна уже сыта, ползает по полу, другая только садится... Когда захочется, тогда и поест. Никто не насилует, отношение как к человеку. А у нас сегодня! Малышка еще не умеет буквы правильно произносить, а ее уже заставляют вещать с экрана телевизора: "Я выиграю миллион! Я буду вот та-кой миллионершей!"

Мы сами себя закапываем. Приезжают, например, к нам иностранцы, из дальнего зарубежья. Жалуются: "Видите, как в этой стране все ужасно!" А те, представьте, не согласны: "Ничего ужасного! У вас прекрасные люди,

Америкой! А нам что, нечем гордиться? Или нельзя?

— "В нашем деле... главное не слава, не блеск, не то, о чем мечтали, а умение терпеть" — это слова чеховской Нины Заречной. Согласны ли вы с ними?

— Терпение — вообще свойство русской женщины. Терпела мужья, нянчилась: бьет — значит, любит! Черта, как бы ставшая характером. "Потерпи" — а какой еще совет можно дать, когда жизнь беспробудно... Страшная наша безысходность... Так живут в детстве, потом замуж выходят, дети выра-

стают. Иной даже порадуется, что и мне плохо. Как в том анекдоте: "И у нас есть маленькие радости — у соседей дача сгорела!" Нет, не достало я никому такого удовольствия! Всегда буду в хорошем настроении. Во всяком случае, внешне.

Вообще-то я самоед, но это только на работе: сыграю роль, потом мучаюсь, надо было иначе! А в жизни, наоборот, принимаю все, как данное. Усугубляю то, что плохо, своим личным отношением, копаясь в этом — значит, себя хоронить раньше времени. Зачем

изомом. "В дороге, — говорят, — ничего, кроме киятки, не будет".

— Хотели бы вы пожизненно, хоть недолго?

— Не смогла бы, наверное. Не потому, что в Москве удобства, а там их нет. Просто не для меня уже спокойная размеренная жизнь. Едва просыпаюсь: куда-то надо бежать, что-то делать...

— Нынешнее время и на семью отпечаток наложило.

— Конечно. Чтобы сохранить семью, требуются усилия. Банальная мысль, но актуальна всегда. В семье надо жить просто, а сложности своего характера держать внутри себя. Трудно! Но иначе и семьи не будет. Нельзя нести в семью весь мусор жизни. Прежде чем войти в дом, гадоши снимите. Иными словами, оставьте за порогом плохое настроение. Самое страшное — преступить. Сегодня жена скажет мужу: "Ты дурак", завтра: "Ты скотина", послезавтра: "Потел ты к такой-то матери"... Потом ударит, потом из дома выгонит... Все начинается с малого.

— Ну что ж, в канун 8-го Марта нельзя не задать еще один вопрос: в чем секрет вашей вечной красоты? Да еще при всех этих трудностях быта?

— Вытаскивать себя надо — и из быта и из огорчений. Даже самую маленькую радость стараюсь превращать в большую. А неприятность, даже большую, превращать в маленькую.

Хорошего в жизни немного, а потому стараюсь ценить каждое его проявление: радоваться солнцу, дню без дождя, интересной книге, добром поступку ребенка, улыбке мужа... Полжизни я провожу в гостиницах. Получаю ключ от номера, вставляю в замочную скважину: о, Боже, легко поворачивается! Раковина — не течет! Телевизор — работает! И я счастлива...

Стоит ли переживать по поводу дорогих ныне портних? Шить можно самой — выкройки есть хорошие. И в парикмахерскую идти

КЛАРА ЛУЧКО: И БУДУ УЛЫБАТЬСЯ...

Трижды казачка — так называют ее. Играла донскую казачку в фильме "Цыган", кубанскую — в "Кубанских казаках". Ну, а преки ее — запорожские казаки. Отец жил в селе Лучки, под Полтавой. Отсюда и фамилия — Лучко. Клара Лучко, народная артистка.

— Мне рассказывала одна актриса: теперь, прилаживая актеров на выступления, их спрашивают: "Сколько вы стоите? И можно ли с вами торговаться?" И у вас также? Клара Степановна, так сколько же вы стоите?

— По-разному. Раньше была твердая ставка — 33 рубля за концерт. Ставка народного артиста. А сейчас все зависит от того, откуда предложение. Теперь нет ни филармоний, ни госэстрады. Звонят неизвестные администраторы, предлагают... Чаще всего вздыхают: "Зал маленький, платить много не сможем. Люди так хотели вас видеть". Ну, говорю, если "так хотели", тогда...

Я много езжу по стране. Несколькими лет назад из Вильнюса вернулась переполненная впечатлениями. Когда в Литве разыгрался национализм, русские и поляки были разобщены. Паника, все бежать хотели, куда угодно. Ну, а потом остановились. Женщина одна мне там рассказывала: "Я в этой стране 30 лет живу, язык знаю, здесь родилась, здесь и дети мои учатся... Почему же я должна бежать! Теперь собираемся вместе. Нет, не дадим себя уничтожить!"

Я была поражена, с каким внутренним спокойствием держалась эта женщина. Понимаете, у них пропал страх. Они осознали свое достоинство, поняли, что должны выжить. А жить им тяжело. Даже между актерами нет сейчас никаких контактов — что уж говорить об остальном населении! Там и программы наши телевизионные вообще не показывают. Но вот приезжают литовские актеры в Москву, на фестивали — как же они рады, как благодарны! Ведь была же человечность между людьми. Куда все это делось?

Я не политик, а потому, наверное, не могу понять, как упало какой-то группке людей поднять

сложность с бензином. Улыбнулся загадочно: "На всякий я найдусь противояк". Вот мы и ищем эти противояки, вместо того чтобы работать. Думаем: как законы обойти?

А что надежду вселяет? Молодежь — не такая уж она плохая. И еще — дети. Сколько вокруг та-

у вас столько талантов!" "Да?" — удивляемся мы. Вот когда перестанем удивляться, перестанем гордиться. "В этой стране", а скажем: "В нашей стране", тогда что-то и изменится. А так она же не моя страна, она — эта! Поному, как американцы встречали Вана Клиберна. Как они гордились им и

тают — и все теряют... И еще надежда поддерживает: не может же это быть вечно! Впрочем, если бы не терпели, на бунт пошли, наверное, было бы хуже. Даже те, кто до отчаяния дошел, терпят. Вот нынче... Думаю, внутри человека что-то должно произойти, сломаться, если он смог руку протянуть за милостыней. Увижу глаза затравленные — обязательно подаю.

— А глаза людей на эскалаторе, выражение лиц... О чем вы думаете, когда видите это?

— Только об одном: чтобы у меня не было такого выражения! Если меня спрашивают: "Как поживаете?", отвечаю: "Прекрасно". Даже когда кошки на душе скребут. Почему, скажите, должна я своих кошек на кого-то вешать? Все равно ведь никто не поможет.

тратить нервы на то, что неизбежно? Видите, у нас собака. Бонифаций... Вот так и лает, с утра до вечера. С ума можно сойти. Но выхода нет — муж ее обожает. А раз нет выхода, стараюсь на этой проблеме не заикливаться.

Чего не переносит, так это насилие, когда кричат, давят, стараются унижить. Я была студенткой и накричал на меня один режиссер. Прямо в павильоне, в присутствии многих людей. Незаслуженно накричал. Я повернулась: "Не смеете на меня кричать. Никогда". И ушла.

— Мы говорили о гордости, которую забыли. К счастью, вспомнили мы сейчас о таких словах, как доброта, человечность, чуткость, внимание, забота... И совсем из далекого прошлого вернулось слово "благодарность".

— Иной раз благотворительность наша — как брак по расчету. Жаль, когда большое слово становится предметом коммерции, выгоды. Кругом только и говорят: "Доброты нам не хватает, человечности!" Все это знают, все понимают, а сами — добрые? Сами — человечные?

Кстати, на периферии, в глубине, люди живут иначе — душевнее. Спокойно живут. Огороды копают, овощи консервируют, де-

ти растут. Пока нет там жуткой спекуляции, палаток, грязи... А добро есть. После моего выступления в Пермской области женщины, человек десять, узнав, когда я буду проезжать мимо их городка, принесли мне прямо в вагон картошку горячую, хлеб домашний с

не обязательно, меня, например, дочка стрижет...

В домашних делах можно погрязнуть, если считать себя жертвой, убеждать, что достойна лучшего. "Боже, какая жуткая картошка, из десяти только две съедобные. А чистить пришлось все десять! И тащила их зря!" — если заниматься хозяйством с таким настроением, хорошего не жди. И выглядеть будешь плохо, и глаза потухшие, и вообще все ужасно. А ведь можно чистить картошку и думать в это время о чем-то приятном, радостном, что и будет работать.

Несколько дней назад я пригостила плов, впервые в жизни! Для меня это было событие. Вся семья собралась: "Вот новое блюдо!" Сказали, что вкусно...

— Словом, не так уж все мрачно. Ну, а планы — или вообще такие, что планы строить нельзя?

— Почему же? Поездки, встречи, выступления... Только что вернулась из Нарвы, еду в Екатеринбург. Начиная сниматься в новой картине. Какой? Я суверена, не люблю ничего говорить заранее.

И еще не люблю показывать, что мне трудно. Сумки тяжелые таскаю — продукты, белье в прачечную.

— А тележка на колесиках?

— Ну уж нет! Не унижу я себя тележкой! Как бы ни было тяжело, не согнуся, буду держаться прямо. И улыбаться...

Беседу вела
Елена МУШКИНА.

— Клара Степановна, как живется кинематографу в наше трудное время?

— Так и живется — трудно. Как и всем. Что ни день, то неожиданности, в основном, неприятные. Все мы мечтаем, ищем точку опоры, стержень какой-нибудь, за советами разные цепляемся. Думаем: если другим советы эти помогают, может, и меня спасут? Напрасно. Нынешнее время — для людей опрелделенного характера. Приходится опускать планку, которую сама установила для себя. Порой неосознанно, всего чуть-чуть, на миллиметр. Но — опускаем. Отказываемся от собственных взглядов, убеждений, идем на очередную уступку: "Ничего, мол, страшного. В последний раз!" Нет, не в последний раз! И отсчет потом будет идти уже от этого "ничего страшного". Посмотрели и ахнули: "О, Боже, да где же я!"

Все это называется: переходный период. Государство наше сегодня напоминает мне человека, который странном образом учит ребенка плавать. Бросит в воду — и ждет, сложна руки — выплывает ли? Была у меня недавно одна журналистка. Молодая еще, сорока лет, дело свое знает прекрасно. Казалось бы, все вперед: надо только найти себя. А она — в отчаянии. Человек непробивной, неинициативный, никак не может приспособиться. Всех нас просто выкинули в воду. Одни сразу пошли ко дну, другие еще барахтаются, тре-

ты стали калекими... Выживают сильные.

— И богатые? Помните, раньше говорили: "Не в деньгах счастье". Теперь, наверное, так уже не скажешь?

— Не знаю... Если вы, например, жили духовной жизнью, то все равно продолжаете жить ею. Предположим, мне вдруг сценарий прекрасный дадут и роль великую, но при этом не только ничего не заплатят, а с меня еще денег потребуют. Поверьте, шубу свою продам, с миру по нитке соберу. Не откажусь от роли! Так что действительно — не в деньгах счастье. Другое дело, что без денег все это сейчас невозможно. Они нужны как воздух. Без них все погибнет — культура, искусство, наука... Актеры сегодня постоянно думают о деньгах. И не только о том, как заработать. Думают, где взять деньги, чтобы сделать фильм, поставить спектакль, что-то было бы платит людям зарплату. Мне позвонил педагог ВГИКа: теперь для инородных студентов обучение платное, трехкурники, если нет денег, вынуждены бросать институт. У них уже за плечами два года занятий на актерском факультете, ребята талантливые. Вот педагог и бьется, ищет совместные предприятия, спонсоров — лишь бы сохранить курс!

— А если ситуация такая: вам предложили большой заработок, но роль плохую, неинтересную?

— Соглашусь. Да, пойду на это. Буду успокаивать себя тем, что постараюсь полученные деньги вложить потом в какое-нибудь стоящее дело, в другую, более ин-

тересную роль. Жить-то надо! Два года назад сделать картину можно было за 1 миллион, сейчас требуется 100 миллионов...

Но вот что самое прискорбное: все равно нет гарантий, что снятый фильм увидит свет! Государственные студии впадают жалкое существование. Появились сотни, тысячи прокатчиков, которые берут готовые ленты, кому-то их продают, где-то показывают, кого-то при этом обманывают. Ну, а мы, актеры, бесправны. В прошлом году, например, вместе с профессиональной сценаристкой я написала сценарий. Нашли спонсора и сняли фильм. По-моему, там одна из лучших моих ролей — женщина с изломанной судьбой, который дал деньги. Это — его картина принадлежит человеку, который дал деньги. Это — его собственность. А он не торопится, ищет, наверное, выгодного покупателя. Вот и Александр Абдулов недавно рассказывал: снялся в прошлом году в девяти фильмах. Вы хоть один видели? Ну ладно, не видели, но, может, слышали? Хотел об одном! Сколько сил потратил, здоровья, творческим находкам радовался! Деньги получил, а результатов своего труда не видит. Это ужасно. А жить им тяжело. Даже между актерами нет сейчас никаких контактов — что уж говорить об остальном населении! Там и программы наши телевизионные вообще не показывают. Но вот приезжают литовские актеры в Москву, на фестивали — как же они рады, как благодарны! Ведь была же человечность между людьми. Куда все это делось?

Я не политик, а потому, наверное, не могу понять, как упало какой-то группке людей поднять

— Представьте — до искусства!